

Предисловие Николая Старикова

Великий, но неизвестный

Великого князя Александра Михайловича Романова совершенно справедливо можно отнести к тем личностям русской истории, которые знакомы лишь историкам и людям, глубоко погруженным «в материал». Между тем именно его перу принадлежат мемуары, которые, несомненно, должны считаться интереснейшим документом той поры.

Но прежде чем говорить о содержании воспоминаний Великого князя, нужно сказать несколько слов и о нем самом. Тогда станет понятно, какие высокие посты он занимал, с кем общался, что знал, о чем написал, а о чем лишь намекнул в своих мемуарах.

Александр Михайлович Романов (1866–1933) был внуком императора Николая I, сыном великого князя Михаила Николаевича. Поскольку генеалогическое древо Романовых весьма разрослось за XIX век, необходимо дать еще несколько ориентиров. Александр Михайлович был одновременно двоюродным дядей будущего императора Николая II и его другом детства. Но и этим его близость к последнему нашему царю не исчерпывается. 25 июля 1894 года Великий князь женился на родной сестре Николая — Великой княжне Ксении Александровне, дочери императора Александра III. В этом

браке, который впоследствии распадется в эмиграции, родится семеро детей. Старшая дочь Ирина Александровна выйдет замуж за графа Феликса Юсупова. Да, да, того самого — будущего убийцу Григория Распутина. А сама Ирина Юсупова, согласно «официальной» версии убийства святого старца, выступала в роли приманки для Распутина. Правда, заочно и не зная о страшном замысле своего мужа и... британской разведки.*

Роскошное бракосочетание Александра Михайловича и Ксении Александровны состоялось в соборе Большого Петергофского дворца, а через несколько месяцев государь скончался. «Друг детства» Александра Михайловича стал царем. Достаточно тесные отношения с Николаем II великий князь сохранил, однако самым близким другом он уже последнему русскому царю все же не был. Будучи специалистом в деле кораблестроения, великий князь возглавил благородное дело перевооружения флота (заяв пост председателя Особого комитета по усилению флота на добровольные пожертвования) после трагических для России поражений на море в ходе русско-японской войны. Но главный вклад в обороноспособность России он внес совсем в другой сфере. Александр Михайлович Романов фактически стал родоначальником русской авиации, он — инициатор создания офицерской школы авиации под Севастополем. Поэтому во время Первой мировой войны заведовал авиационной частью действующей армии. Дальнейшая судьба великого князя неотделима от судьбы царствующего дома. После Февральской революции он был сослан в Крым, после Октября его и ряд других представителей семьи Романовых поселили под охраной целого отряда революционных матросов, присланных самим Лениным(!), в имении Дюльбер. И этот отряд отчаянно защищал Романовых от поползновений местных «революционеров», которым очень хоте-

* Убийство Распутина имело целью предотвращение возможности сепаратных договоренностей между царскими семьями России и Германии. Распутин был единственным человеком, кого бы мог послушаться Николай II. Организатор убийства — английский разведчик Освальд Райнер, который был любовником Феликса Юсупова еще во время его обучения в Англии. Подробнее об убийстве Распутина см.: *Стариков Н. В.* 1917. Разгадка русской революции». — СПб.: Питер, 2014.

лось их убить. В итоге все Романовы живыми и здоровыми были переданы в руки вступивших в Крым немцев в 1918 году.*

Далее — британский дредноут и эмиграция в Европу уже после окончания Первой мировой войны. Там, в эмиграции, великий князь и скончался. Могила его дочери Ирины и ее мужа Феликса Юсупова находится рядом с Парижем — на Сен-Женевьев-де-Буа.

Глава IV

КНЯГИНЯ ЮРЬЕВСКАЯ

1

Зимой 1880 года, в один из туманных, тихих вечеров, сильный взрыв потряс здание Зимнего дворца¹¹. Было повреждено помещение, которое занимал караул л.-гв. Финляндского полка; было убито и ранено 40 человек офицеров и солдат. Это произошло как раз в тот момент, когда церемониймейстер появился на пороге столовой и объявил: «Его Величество!»

Маленькая неточность в расчете адской машины, помещенной в фундаменте дворца, спасла личные покои Царя от разрушения. Было разбито только немного посуды и выбито несколько стекол в окнах.

Судебное расследование обнаружило совпавшее с взрывом внезапное исчезновение из дворца одного, недавно нанятого камерлакея. Последний, по-видимому, принадлежал к партии, которая получила название «нигилистов» — людей, задавших целью уничтожения, ниспровержения существующего строя и форм жизни и являющихся, в сущности, зародышем будущего большевизма. Партия эта начала свою террористическую деятельность в семидесятых годах и значительно усилила ее после введения Императором Александром II суда присяжных, который заранее обеспечивал этим господам полное оправдание за их преступления и убийства. Так и после покушения Веры Засулич, пытавшейся убить в 1878 году Петербургского генерал-губернатора Трепова, русское общество впервые услышало, как представитель судебной власти, в своем резюме, произнес красноречивую речь в защиту нигилизма.

Писатели, студенты, доктора, адвокаты, банкиры, купцы и даже крупные государственные деятели играли в либерализм и мечтали об установлении республиканского строя в России, стране, в которой только девятнадцать лет пред тем было уничтожено крепостное право.

Восемьдесят пять процентов русского народа было еще неграмотно, а наша нетерпеливая интеллигенция требовала немедленного всеобщего избирательного права для созыва Учредительного Собрания. Готовность Монарха пойти на уступки еще более разыгрывала аппетиты будущих «премьер-министров», а пассивность полиции поощряла развитие самых смелых революционных планов.

Идея цареубийства носилась в воздухе. Никто не чувствовал ее острее, чем Ф. М. Достоевский, на произведения которого теперь можно смотреть, как на удивительные пророчества грядущего большевизма. Незадолго до его смерти, в январе 1881 г., Достоевский в разговоре с издателем «Нового Времени» А. С. Сувориным заметил с необычайной искренностью:

— Вам кажется, что в моем последнем романе «Братья Карамазовы» было много пророческого? Но подождите продолжения. В нем Алеша уйдет из монастыря и сделается анархистом. И мой чистый Алеша — убьет Царя...

2

При известии о покушении в Зимнем дворце отец сразу собрался в Петербург. В такое время он не мог оставаться вдали от своего любимого царственного брата. Нам было сказано готовиться провести эту зиму в столице.

Тяжелые тучи висели над всей страной. Официальные приемы, устроенные нам властями по пути нашего следования на север, не могли скрыть всеобщей тревоги. Все понимали, что покушения на Государя, ставшие хроническим явлением, прекратятся лишь тогда, когда более твердая рука станет у власти. Многие предполагали, что мой отец должен взять на себя полномочия диктатора, ибо все уважали в нем твердость убеждений и бесстрашие солдата.

Но мало кто из русского общества сознавал, что даже самые близкие и влиятельные члены Императорской семьи должны были в то время считаться с посторонним влиянием женщины на Государя. Мы, дети, узнали об ее существовании накануне прибытия нашего поезда в Петербург, когда нас вызвали в салон-вагон к отцу.

Войдя, мы тотчас же поняли, что между нашими родителями произошло разногласие. Лицо матери было покрыто красными пятнами, отец курил, размахивая длинной, черной сигарой — что бывало чрезвычайно редко в присутствии матери.

— Слушайте, дети, — начал отец, поправляя на шее ленту ордена Св. Георгия Победоносца, полученного им за покорение Западного Кавказа: — я хочу вам что-то сказать, пока мы еще не приехали в С.-Петербург. Будьте готовы встретить новую Императрицу на первом же обеде во дворце.

— Она еще не Императрица! — горячо перебила моя мать. — Не забывайте, что настоящая Императрица Всероссийская умерла всего только десять месяцев тому назад!

— Дай мне кончить... — резко перебил отец, повышая голос: — мы все — верноподданные нашего Государя. Мы не имеем права критиковать его решения. Каждый великий князь должен так же исполнять его приказы, как последний рядовой солдат. Как я уже начал вам объяснять, дети, ваш дядя Государь удостоил браком княжну Долгорукую. Он пожаловал ей титул княгини Юрьевской до окончания траура по вашей покойной тетушке Императрице Марии Александровне. Княгиня Юрьевская будет коронована Императрицей. Теперь же вам следует целовать ей руку и оказывать ей то уважение, которое этикет предписывает в отношении супруги царствующего Императора. От второго брака Государя есть дети; трое: мальчик и две девочки. Будьте добры к ним.

— Вы, однако, слишком далеко заходите, — сказала матушка по-французски, с трудом сдерживая свой гнев.

Мы пятеро переглядывались. Тут я вспомнил, что во время нашего последнего пребывания в Петербурге нам не позволили подходить к ряду апартаментов в Зимнем дворце, в которых, мы знали, жила одна молодая красивая дама, с маленькими детьми.

— Сколько лет нашим кузенам? — прервал вдруг молчание мой брат Сергей, который даже в возрасте одиннадцати лет любил точность во всем.

Отцу этот вопрос, по-видимому, не понравился.

— Мальчику семь, девочкам шесть и четыре года, — сухо сказал он.

— Как же это возможно?.. — начал было Сергей, но отец поднял руку:

— Довольно, мальчики! Можете идти в ваш вагон.

Остаток дня мы провели в спорах о таинственных событиях Зимнего дворца. Мы решили, что, вероятно, отец ошибся и что, по-видимому, Государь Император женат на княгине Юрьевской значительно дольше, чем 10 месяцев. Но тогда неизбежно выходило, что у него были две жены одновременно. Причину отчаяния моей матери я понял значительно позже. Она боялась, что вся эта история дурно повлияет на нашу нравственность: ведь ужасное слово «любовница» было до тех пор совершенно исключено из нашего обихода.

3

Сам старый церемониймейстер был заметно смущен, когда, в следующее после нашего приезда воскресенье вечером, члены Императорской семьи собрались в Зимнем дворце у обеденного стола, чтобы встретиться с княгиней Юрьевской. Голос церемониймейстера, когда он постучал три раза об пол жезлом с ручкой из слоновой кости, звучал неуверенно:

— Его Величество и светлейшая княгиня Юрьевская!

Мать моя смотрела в сторону, цесаревна Мария Федоровна потупилась...

Император быстро вошел, ведя под руку молодую, красивую женщину. Он весело кивнул моему отцу и окинул испытующим взглядом могучую фигуру наследника. Вполне рассчитывая на полную лояльность своего брата (нашего отца), он не имел никаких иллюзий относительно взгляда наследника на этот второй его брак. Княгиня Юрьевская любезно отвечала на вежливые поклоны великих княгинь и князей и села рядом с Императором в кресло

покойной Императрицы. Полный любопытства, я не спускал с княгини Юрьевской глаз. Мне понравилось выражение ее грустного лица и лучистое сияние, идущее от светлых волос. Было ясно, что она волновалась. Она часто обращалась к Императору, и он успокаивающе поглаживал ее руку. Ей, конечно, удалось бы покорить сердца всех мужчин, но за ними следили женщины, и всякая ее попытка принять участие в общем разговоре встречалась вежливым, холодным молчанием. Я жалел ее и не мог понять, почему к ней относились с презрением за то, что она полюбила красивого, веселого, доброго человека, который, к ее несчастью, был Императором Всероссийским?

Долгая совместная жизнь несколько не уменьшила их взаимного обожания. В шестьдесят четыре года Император Александр II держал себя с нею как восемнадцатилетний мальчик. Он нашептывал слова одобрения в ее маленькое ушко. Он интересовался, нравятся ли ей вина. Он соглашался со всем, что она говорила. Он смотрел на всех нас с дружеской улыбкой, как бы приглашая радоваться его счастью, шутил со мною и моими братьями, страшно довольный тем, что княгиня, очевидно, нам понравилась.

К концу обеда гувернантка ввела в столовую их троих детей.

— А вот и мой Гога! — воскликнул гордо Император, поднимая в воздух веселого мальчугана и сажая его на плечо. — Скажи-ка нам, Гога, как тебя зовут?

— Меня зовут князь Георгий Александрович Юрьевский, — ответил Гога и начал возиться с бакенбардами Императора, теребя ручонками.

— Очень приятно познакомиться, князь Юрьевский! — шутил Государь. — А не хочется ли, молодой человек, вам сделаться великим князем?

— Саша, ради Бога, оставь! — нервно сказала княгиня.

Этой шуткой Александр II как бы пробовал почву среди своих родственников по вопросу об узаконении своих морганатических детей. Княгиня Юрьевская пришла в величайшее смущение и в первый раз забыла она об этикете двора и назвала Государя — своего супруга во всеуслышание уменьшительным именем.

К счастью, маленький Гога был слишком занят исполнением роли парикмахера Его Величества, чтобы задумываться над преимуществами императорского титула, да и Царь не настаивал на ответе. Одно было ясно: Император решил игнорировать неудовольствие членов Императорской фамилии и хотел из этого первого семейного обеда устроить веселое воскресенье для своих детей. После обеда состоялось представление итальянского фокусника, а затем самые юные из нас отправились в соседний салон с Гогой, который продемонстрировал свою ловкость в езде на велосипеде и в катании на коврике с русских гор. Мальчуган старался подружиться со всеми нами и в особенности с моим двоюродным племянником Никки (будущим Императором Николаем II), которого очень забавляло, что у него, тринадцатилетнего, есть семилетний дядя.

На обратном пути из Зимнего дворца мы были свидетелями новой ссоры между родителями:

— Что бы ты ни говорил, — заявила моя мать: — я никогда не признаю эту авантюристку. Я ее ненавижу! Она — достойна презрения. Как смеет она, в присутствии всей Императорской семьи называть Сашей твоего брата.

Отец вздохнул и в отчаянии покачал головой.

— Ты не хочешь понять до сих пор, моя дорогая, — ответил он кротко: — хороша ли она или плоха, но она замужем за Государем. С каких пор запрещено женам называть уменьшительным именем своего законного мужа в присутствии других? Разве ты называешь меня «Ваше Императорское Величество»?

— Как можно делать такие глупые сравнения! — сказала моя мать со слезами на глазах. — Я не разбила ничьей семьи. Я вышла за тебя замуж с согласия твоих и моих родителей. Я не замышляю гибель Империи.

Тогда настала очередь отца рассердиться.

— Я запрещаю, — он делал при этом ударение на каждом слове, — повторять эти позорные сплетни! Будущей Императрице Всероссийской вы и все члены Императорской семьи, включая наследника и его супругу, должны и будете оказывать полное уважение! Это вопрос конченный!

Где я видел княгиню Юрьевскую? — спрашивал я себя, прислушиваясь к разговору родителей. И в моем воспоминании воскресла картина придворного бала в один из прошлых наших приездов в С.-Петербург.

Громадные залы Зимнего дворца были украшены орхидеями и другими тропическими растениями, привезенными из императорских оранжерей. Бесконечные ряды пальм стояли на главной лестнице и вдоль стен галерей. Восемьсот служащих и рабочих две недели трудились над украшением дворца. Придворные повара и кондитеры старались перещеголять один другого в изготовлении яств и напитков.

Мне разрешили надеть на бал форму 73-го Крымского пехотного полка, Шефом которого я состоял от рождения, и я важно выступал между кавалергардами в касках с двуглавым орлом, которые стояли при входе в зал.

Весь вечер я старался держаться подальше от моих родителей, чтобы какое-нибудь неуместное замечание не нарушило моего великолепия.

Высочайший выход открыл бал. Согласно церемониалу, бал начинался полонезом. Государь шел в первой паре рука об руку с цесаревной Марией Федоровной, за ним следовали великие князья и великие княгини в порядке старшинства. Так как великих княгинь, чтобы составить пары, было недостаточно, младшие великие князья, как я, должны были идти в паре с придворными дамами. Моя дама была стара и помнила детство моего отца. Наша процессия не была, собственно говоря, танцем в совершенном значении этого слова. Это было торжественное шествие с несколькими камергерами впереди, которые возвещали наше прохождение через все залы Зимнего дворца. Мы прошли три раза через залы, после чего начались танцы. Кадриль, вальс и мазурка — были единственными танцами того времени, допущенными этикетом.

Когда пробил полночь, танцы прекратились, и Государь, в том же порядке, повел всех к ужину. Танцующие, сидящие и проходящие чрез одну из зал часто поднимали глаза на хоры, показывали на молодую, красивую даму и о чем-то перешептывались. Я заметил,

что Государь часто смотрел на нее, ласково улыбаясь. Это и была княгиня Юрьевская.

Граф Лорис-Меликов часто покидал залу. Возвращаясь, он каждый раз подходил к Государю и что-то докладывал ему. По-видимому, темой его докладов были те чрезвычайные меры охраны, которые были приняты по случаю бала. Их разговор заглушался пением артистов Императорской оперы, которые своей программой, составленной из красивых, но грустных мелодий, усиливали напряженность атмосферы и навевали тоску. Как бы то ни было, но низким басам и высоким сопрано не удалось согнать бодрой улыбки с лица Государя.

Государь удалился сейчас же после ужина. Танцы возобновились, но моя дама заснула. Я пробежал по залам, чтобы поговорить по душе с бывшим адъютантом моего отца, только что прибывшим из Тифлиса. Я жаждал услышать новости о милом Кавказе, где можно было спать спокойно. Двухмесячное пребывание в С.-Петербурге приучило меня слышать взрыв в каждом подозрительном шорохе.

4

Губительное влияние княгини Юрьевской явилось темой всех разговоров зимою 1880/81 г. Члены Императорского дома и представители петербургского общества открыто обвиняли ее в намерении передать диктаторские полномочия ее любимцу графу Лорис-Меликову и установить в Империи конституционный образ правления.

Как всегда бывает в подобных случаях, женщины были особенно безжалостны к матери Гоги. Руководимые уязвленным самолюбием и ослепленные завистью, они спешили из одного великосветского салона в другой, распространяя самые невероятные слухи и поощряя клевету. Факт, что княгиня Юрьевская (Долгорукая) принадлежала по рождению к одному из стариннейших русских родов Рюриковичей, делал ее положение еще более трудным, ибо неугомонные сплетники распространяли фантастические слухи об исторической вражде между Романовыми и Долгорукими. Они передавали легенду, как какой-то старец, 200 лет тому назад, предсказал

преждевременную смерть тому из Романовых, который женится на Долгорукой. В подтверждение этой легенды они ссылались на трагическую кончину Петра II. Разве он не погиб в день, назначенный для его бракосочетания с роковой княжной Долгорукой? И разве не было странным то, что лучшие доктора не могли спасти жизнь единственному внуку Петра Великого?

Напрасно наш лейб-медик старался доказать суеверным сплетникам, что медицинская наука в восемнадцатом столетии не умела бороться с натуральной оспой и что молодой Император умер бы так же, если бы обручился с самой счастливой девушкой на свете. Сплетники выслушивали мнение медицинского авторитета, но продолжали свою кампанию.

Начало романа Государя с княжной Долгорукой общественное мнение связывало с выступлениями нигилистов.

— Мой милый доктор, — говорила одна титулованная дама с большими связями, — при всем уважении к успехам современной науки, я, право, не вижу, как ваши коллеги могли бы воспрепятствовать нигилистам бросать бомбы в направлении, указанном нашим великим диктатором?

Последнее относилось по адресу графа Лорис-Меликова, примиренческая политика которого вызывала бурю негодования у сановников без постов и у непризнанных спасителей отечества. Карьера и деятельность Лорис-Меликова являлись неисчерпаемой темой для разговоров в светских и политических салонах. Храбрый командир корпуса и помощник моего отца во время русско-турецкой войны 1877–78 гг. граф Лорис-Меликов, по мнению своих врагов, стал послушным орудием в руках княгини Юрьевской. Назначенный на пост канцлера Империи, Лорис-Меликов пользовался полным доверием Царя, и его глубокая привязанность к Монарху была очевидна. В его страшной борьбе против террористов, пред его глазами часто возникал образ двух влюбленных Зимнего дворца, которые молили не нарушать их идиллии. Классическая фраза про человека, который знает хорошо дорогу, но предпочитает идти по худшей, как нельзя более подходила к этому честному солдату. После долгих колебаний он решил внять мольбам влюбленной женщины и протянуть руку

примирения революционерам, что и ускорило катастрофу. Революционеры удвоили свои требования и стали грозить открытым восстанием. Люди, преданные престолу, возмущались и уклонялись от деятельности. А народ — эти сто двадцать пять миллионов крестьян, раскинутых по всему лицу земли русской, — говорили, что помещики наняли армянского генерала, чтобы убить Царя за то, что он дал мужикам волю.

Удивительное заключение, но оно представлялось вполне логичным, если принять во внимание, что, кроме С.-Петербурга, Москвы и нескольких крупных провинциальных центров, в которых выходили газеты, вся остальная страна питалась слухами.

Правитель страны, обладавший известным политическим цинизмом, мог бы легко использовать эти народные настроения для поддержания принципа абсолютной монархии, но питомцы Военной Академии никогда не изучали тонкое искусство политического цинизма. Накануне нового года, 1881 г. Лорис-Меликов представил на утверждение Александра II проект коренной реформы русского государственного устройства, в основу которого были положены принципы английской конституции.

5

Было бы слишком слабым сравнением, если бы я сказал, что мы все жили в осажденной крепости. На войне друзья и враги известны. Здесь мы их не знали. Камер-лакей, подававший утренний кофе, мог быть на службе у нигилистов. Со времени ноябрьского взрыва, каждый истопник, входящий к нам, чтобы вычистить камин, казался нам носителем адской машины.

Ввиду значительности пространства, занимаемого Петербургом, полиция не могла гарантировать безопасности всем членам Императорской семьи за пределами их дворцов. Великие князья просили Государя переселиться в Гатчинский дворец, но доверчивый Александр II, унаследовавший от своего отца его храбрость, наотрез отказался покинуть столицу и изменить маршрут своих ежедневных прогулок. Он категорически настаивал на неизменности его обыч-

ного образа жизни, включая прогулки в Летнем саду и воскресные парады войск гвардии. То, что мой отец должен был неизменно сопровождать Государя во время этих воскресных парадов, приводило мою матушку в невероятный ужас, а отец подсмеивался над ее страхами, ссылаясь на непоколебимую верность армии, но женский инстинкт оказался сильнее логики.

— Я не боюсь ни офицеров, ни солдат, — говорила мать, — но я не верю полиции, в особенности в воскресные дни. Путь к Марсову полю достаточно длинен, чтобы все местные нигилисты могли видеть ваш проезд по улицам. Я ни в каком случае не могу рисковать жизнью детей, они должны оставаться дома и не ездить на парады.

В воскресенье, 1 марта 1881 года мой отец поехал, по своему обыкновению, на парад в половине второго. Мы же, мальчики, решили отправиться с Никки и его матерью кататься на коньках. Мы должны были зайти за ними в Зимний дворец после трех часов дня.

Ровно в три часа раздался звук сильнейшего взрыва.

— Это бомба! — сказал мой брат Георгий.

В тот же момент еще более сильный взрыв потряс стекла окон в нашей комнате. Мы кинулись на улицу, но были остановлены воспитателем. Через минуту в комнату вбежал запыхавшийся лакей.

— Государь убит! — крикнул он. — И великий князь Михаил Николаевич тоже! Их тела доставлены в Зимний дворец.

На его крик мать выбежала из соседней комнаты. Мы все бросились к выходу в карету, стоявшую у подъезда, и помчались в Зимний дворец. По дороге нас обогнал батальон л.-гв. Преображенского полка, который, с ружьями наперевес, бежал в том же направлении.

Толпы народа собирались вокруг Зимнего дворца. Женщины истерически кричали. Мы вошли через один из боковых входов. Вопросы были излишни: большие пятна черной крови указывали нам путь по мраморным ступеням и потом вдоль по коридору в кабинет Государя. Отец стоял там в дверях, отдавая приказания служащим. Он обнял матушку, а она, потрясенная тем, что он был невредим, упала в обморок.

Император Александр II лежал на диване у стола. Он был в бессознательном состоянии. Три доктора были около него, но было

очевидно, что Государя нельзя было спасти. Ему оставалось несколько минут жизни. Вид его был ужасен: его правая нога была оторвана, левая разбита, бесчисленные раны покрывали лицо и голову. Один глаз был закрыт, другой — смотрел перед собой без всякого выражения.

Каждую минуту входили один за другим — члены Императорской фамилии. Комната была переполнена. Я схватил руку Никки, который стоял близко от меня, смертельно бледный, в своем синем матросском костюмчике. Его мать, цесаревна, была тут же и держала коньки в дрожащих руках.

Я нашел цесаревича по его широким плечам: он стоял у окна.

Княгиня Юрьевская вбежала полуодетая. Говорили, что какой-то чрезмерно усердный страж пытался задержать ее при входе. Она упала навзничь на тело Царя, покрывая его руки поцелуями и крича: «Саша! Саша!» Это было невыносимо. Великие княгини разразились рыданиями.

Агония продолжалась сорок пять минут. Все, кто были во время ее, никогда не могли ее забыть. Из всех присутствовавших никого, кроме меня, не осталось в живых. Большинство из них погибло 37 лет спустя от руки большевиков. Комната была убрана в стиле «ампир», с драгоценными безделушками, разбросанными по столам, и многочисленными картинами по стенам. Над дверями была повешена наша увеличенная фотография моих братьев Николая, Михаила, Георгия и меня, снятых на уроке артиллерии у орудия в Тифлисе. Вид этой картины разрывал мое сердце.

— Спокойнее держись! — прошептал наследник, дотрагиваясь до моего плеча.

Прибывший градоначальник сделал подробный рапорт о происшедшей трагедии. Первая бомба убила двух прохожих и ранила казачьего офицера, которого злоумышленник принял за моего отца. Император вышел из экипажа невредим. Кучер умолял его вернуться боковыми улицами обратно во дворец, но Государь стал оказывать помощь раненым. В это время какой-то незнакомец, который все время стоял на углу, бросил вторую бомбу под ноги Государю. Это произошло менее чем за минуту до появления моего отца; его за-

держал визит к великой княгине Екатерине Михайловне. Задержка спасла ему жизнь.

— Тише! — возгласил доктор. — Государь кончается!

Мы приблизились к умирающему. Глаз без всякого выражения по-прежнему смотрел в пространство. Лейб-хирург, слушавший пульс Царя, кивнул головой и опустил окровавленную руку.

— Государь Император скончался! — громко промолвил он.

Княгиня Юрьевская вскрикнула и упала, как подкошенная, на пол. Ее розовый с белым рисунком пенюар был весь пропитан кровью.

Мы все опустились на колени. Влево от меня стоял новый Император. Странная перемена произошла в нем в этот миг. Это не был тот самый цесаревич Александр Александрович, который любил забавлять маленьких друзей своего сына Никки тем, что разрывал руками колоду карт или же завязывал узлом железный прут. В пять минут он совершенно преобразился. Что-то несоизмеримо большее, чем простое сознание обязанностей Монарха, осветило его тяжелую фигуру. Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах. Он встал.

— Ваше Величество, имеете какие-нибудь приказания? — спросил смущенно градоначальник.

— Приказания? — переспросил Александр III. — Конечно! Но, по-видимому, полиция совсем потеряла голову! В таком случае армия возьмет в свои руки охрану порядка в столице! Совет министров будет собран сейчас же в Аничковом дворце.

Он дал рукой знак цесаревне Марии Федоровне, и они вышли вместе. Ее миниатюрная фигура подчеркивала могучее телосложение нового Императора.

Толпа, собравшаяся пред дворцом, громко крикнула «ура». Ни один из Романовых не подходил так близко к народным представлениям о Царе, как этот богатырь с русой бородой.

Стоя у окна, мы видели, как он большими шагами шел к коляске, а его маленькая жена еле попевала за ним. Он некоторое время отвечал на приветствия толпы, затем коляска двинулась, окруженная

сотнею Донских казаков, которые скакали в боевой готовности, и их пики ярко блестели красным отблеском в последних лучах багрового мартовского заката.

Из комнаты почившего выносили бесчувственную княгиню Юрьевскую в ее покои, и доктора занялись телом покойного Императора.

Где-то в отдалении горько плакал маленький Гога...